

— Разве метку давно не смыли? — спросил Цзян Хуай.

Цзян Ли на некоторое время замолчала. Каждый раз, когда она не знала, как общаться с Цзян Хуаем, она просто улыбалась:

— При чём тут это? Я так занята на работе, откуда у меня время на какие-то романы?

Цзян Хуай ничего не ответил.

Цзян Ли уже немного пожалела, что позвонила Цзян Хуаю по видеосвязи. Не то чтобы она не скучала по сыну или не хотела звонить ему чаще, но ей становилось страшно связываться с ним. Она уже и не помнила, сколько месяцев не приезжала на родину. В месте, где она не могла до него дотянуться и не видела его, Цзян Хуай постепенно вырос и стал совсем чужим. Раньше он полагался на нее, постоянно о чем-то болтал с ней, а теперь становился все дальше и дальше, холодным и молчаливым, словно молодой одинокий волк.

Но у нее не было сил ни воспитывать его, ни возвращать былое доверие.

За ошибки, совершенные ею в молодости, Цзян Хуай расплачивался практически сам.

Порой, просыпаясь посреди ночи, Цзян Ли все еще видела кошмары. Ей снилось, как они с Цзян Хуаем выживали вдвоем, живя те несколько лет в старом районе. На углах обшарпанного дома росла черная плесень, и от малейшего порыва ветра двери и окна дрожали, издавая зубовный скрип.

Глубокой ночью кто-то стучал в дверь — пьяные или намеренно пришедшие типы ломались в дверь и кричали:

— Есть кто дома? Есть кто дома? Открывай! Твой мужик вернулся!

— Эй, бабенка, где твой мужик?

— Посмотри на себя: одинокая мать с ребенком, да еще и Омега. Тяжело ведь жить! Может, пойдешь ко мне? Я от этого маленького спиногрыза отказываться не стану.

— Ты чего выкаблучиваешься? Из себя святошу корчишь? Тебя же уже метили, хрен ли притворяешься недотрогой?

— Не бойся, я Бета, пометить тебя не смогу, просто поразвлекаемся! Дай хоть твои феромоны понюхать?

Соседи делали вид, что ничего не слышат, заперев свои двери наглухо.

Она обнимала Цзян Хуая и дрожала, а Цзян Хуай говорил ей: «Я защищу тебя».

И Цзян Хуай сдержал слово. Зимней ночью какой-то мужчина, напившись до беспамятства, пришел ломиться в дверь. Грохот стоял такой, будто дрожали все окна в доме. Цзян Ли, трясась от страха, взяла телефон, чтобы вызвать полицию, но первым делом пошла проверить, заперты ли окна.

Когда она вышла из кухни, то увидела, что входная дверь распахнута настежь.

Мужчина обмяк на полу. Рядом стоял Цзян Хуай, тихо опустив голову, а с кухонного ножа в его руке капала кровь.

Кровь медленно сочилась из мужчины, растекаясь по полу. Цзян Ли рухнула на пол.

Приехала полиция. Приехала скорая. Старый жилой комплекс, предназначенный под снос, переживал самый оживленный день за весь год. Соседи один за другим высывались из дверей, глаза и шепчась.

Цзян Хуай был ей всего по плечо. Полицейские увезли Цзян Хуая, а вместе с ним и Цзян Ли.

Та зима казалась невероятно холодной.

Цзян Ли не знала, стоит ли ей радоваться тому, что Цзян Хуай был еще мал и слаб. Мужчина в больнице отделался лишь легкими ранениями, ничего серьезного с ним не случилось. Цзян Хуаю еще не исполнилось двенадцати лет, поэтому его вскоре отпустили.

Все это была ее вина. Цзян Ли тогда думала: если с Цзян Хуаем что-то случится, она тоже не станет жить.

Это она совершила ошибку, но Цзян Хуай расплачивался за нее.

Это она порвала отношения с семьей и вышла замуж еще до окончания университета. Когда Цзян Хуай еще даже не родился, у мужа случился роман со своей однокурсницей, после чего она подала на развод и смыла метку.

Это у нее не было никакого опыта работы, и с крошечным Цзян Хуаем на руках она не могла ничего найти. Ей приходилось сидеть дома, ухаживая за ребенком и перебиваясь сдельной ручной работой. Проучившись больше десяти лет, в итоге она осталась ни с чем.

Когда Цзян Хуай пошел в начальную школу, она отправилась искать работу. На следующий день после возвращения из участка она забрала те немногие несколько тысяч юаней, что скопила за эти годы, и вместе с Цзян Хуаем переехала.

Цзян Ли никогда не считала, что заслужила все эти страдания лишь потому, что она Омега. Она могла лишь сказать, что нищета — это первородный грех.

Цзян Ли улыбнулась:

— Чем тратить время на романы, я бы лучше приехала навестить вас с сестрой.

Цзян Хуай ничего не ответил. Он безучастно бросил взгляд на часы:

— Уже поздно, отдыхай.

— Хорошо, — сказала Цзян Ли. — Ты тоже отдохни... — Она на мгновение задумалась. — Следующим летом, когда у тебя будут летние каникулы, я, скорее всего, смогу приехать на родину. Берегите себя с Синсин.

— Угу.

Цзян Хуай размял затекшие от боли плечи и лег на кровать.

В период реактивного отклика о нормальном сне нечего было и думать, оставалось просто лежать в постели.

Но, возможно, из-за того, что в прошлый раз его укол подавителя увидел Бо Цзянь и он

пережил нервный срыв, реакция прошла с особенной силой, поэтому в этот раз стрессовый период протекал куда спокойнее. Цзян Хуай полежал немного, и его начало клонить в сон.

В полудреме время летело быстро. Цзян Хуай сам не заметил, сколько пролежал, пока не услышал звук уведомления.

Он нащупал телефон под подушкой.

17:54.

Оказалось, он пролежал почти четыре часа.

Цзян Хуай согнул локти и колени и медленно сел. Боли почти не было, осталась лишь легкая ломота и слабость.

Он разблокировал экран.

Би-Джей: Сделал домашку? ·v·

Цзян Хуай с минуту разглядывал это сообщение, после чего отправил председателю Бо шесть точек.

Би-Джей: Это значит «нет»?

Настоящий лидер: Угадай.

Би-Джей: Мы же договаривались двигаться к общему процветанию?

Настоящий лидер: Кто с тобой договаривался? Не приставай.

Би-Джей: Сосед с передней парты, у нас домашнее задание по семи предметам. Ты хотя бы по одному сделаешь?

Цзян Хуай не хотел с ним разговаривать и слез с кровати.

Телефон снова звякнул. Цзян Хуай нахмурился, но все же взглянул на экран.

Би-Джей: Выберешь один? На прошлой неделе была математика, на этой сменишь на английский?

Би-Джей: Всего один вариант. Бесплатная репетиторская помощь от соседа с задней парты.

Цзян Хуай снова сел на кровать.

Настоящий лидер: Тебе больше делать нечего?

Би-Джей: На этой неделе мало задали.

Настоящий лидер: ...

Через десять минут Цзян Хуай без особого охота достал из рюкзака тест по английскому, подложил под него книгу и лег на кровать писать.

Би-Джей: Давай включим видео, а то вдруг ты отвлечешься.

Настоящий лидер: Я не хочу видеть твое лицо.

Би-Джей: Тогда я отведу камеру?

Цзян Хуай повернул голову и двумя пальцами — указательным и средним — выудил из лежащего на полу рюкзака пенал.

Когда он повернулся обратно, видеозвонок уже соединился.

Камера на том конце дернулась, ракурс отдалился, и раздался щелчок — телефон закрепили в подставке.

Глядя на этот угол обзора, Цзян Хуай имел все основания полагать, что Бо Цзянь поставил держатель для телефона на какой-то низкий комод в комнате. Идеально отглаженные прямые брючины, длинные ноги медленно отходили назад. Камера захватила фигуру до груди, срезая картинку прямо на уровне плеч и шеи.

Голос Бо Цзяня прозвучал приятно:

— Мое лицо видно?

Цзян Хуай:

— ...Не видно.

Лишь когда Бо Цзянь повернулся спиной и нагнулся, Цзян Хуай заметил, что тот держит в руке маленькую металлическую статуэтку рыцаря. Бо Цзянь поставил рыцаря у своих ног и снова подошел ближе.

Цзян Хуай:

— А статуэтка зачем?

Бо Цзянь:

— Метка. От той статуэтки и досюда моего лица не видно.

Цзян Хуай:

— ...

Тембр Бо Цзяня был очень приятным, чистым и спокойным, без сипоты или хрипоты:

— Если встретится непонятное задание, можешь спросить у меня. Я могу спросить для тебя контакты учителя английского.

Цзян Хуай:

— ?

— Иди ты, — сказал Цзян Хуай.

Цзян Хуай не хотел с ним связываться, поэтому взял ручку и приступил к тексту А в разделе чтения.

Текст А был самым простым. База по английскому у Цзян Хуая была не такой уж плохой — по крайней мере, не настолько плачевной, как по математике. За несколько минут он прочел текст и краем глаза взглянул на экран телефона, где отображался Бо Цзянь.

Комната Бо Цзяня с первого взгляда выдавала богатого и эстетичного хозяина. Светильники, вешалка для одежды, пол, шторы — все было выдержано в едином стиле, а мелкие детали дополнялись изысканными дизайнерскими элементами. В интерьере преобладал белый цвет, но это была не больнично-стерильная белизна. Цзян Хуай не разбирался ни в дизайне, ни в колористике, но мог оценить, что от этого цвета так и веет роскошью.

Бо Цзянь на несколько секунд вышел из кадра, а когда вернулся, у него в руках было два комплекта школьной формы.

Цзян Хуай исподлобья наблюдал за ним.

Бо Цзянь слегка повернулся боком и снял верх.

Цзян Хуай:

— ?

— Ты зачем раздеваешься? — спросил он.

Бо Цзянь ненадолго замер, а затем неторопливо сложил снятую кофту. Линии пресса прослеживались четко, а линии Аполлона по бокам уходили под пояс брюк. Вживую он выглядел точно так же, как на фотографиях.

Единственная разница заключалась в том, что в кадр попал не только живот.

— Раз уж ты делаешь уроки, я подумал, что мне стоит переодеться в школьную форму, — Бо Цзянь сделал паузу. — Не смотри на то, что не положено. Сосед с передней парты, не мог бы ты усердно делать домашнее задание и не смотреть на меня? Я стесняюсь.

Цзян Хуай:

— ...

Бо Цзянь не спеша достал рубашку. Цзян Хуай не видел его лица, только часть тела ниже ключиц. Длинные изящные пальцы подхватывали пуговицы и застегивали их снизу вверх, одна за другой.

Бо Цзянь спросил:

— Когда я сяду, брюки переодевать ведь не придется?

— Пошел к черту.

Цзян Хуай уже собирался сбросить видеовызов, но Бо Цзянь добавил:

— Не сбрасывай. Если сбросишь, я все равно наберу снова.